

КАЖДЫЙ вечер по заснеженному аллеям парка спешат люди к небольшому, ярко освещенному зданию. Каждый вечер, ровно в семь, гаснет свет в зале Новосибирского театра оперетты. И под спущенный занавес, в полумраке приоткрытого зала звучит увертюра...

Скоро исполнится десять лет, как театр радуется зрителя своим жизнерадостным искусством. Этому способствует игра многих интересных актеров, выросших и творчески сформировавшихся здесь, а также зрелое мастерство тех, кто пришел сюда из других театров страны. Этому в большой мере способствует яркий и своеобразный талант заслуженного артиста РСФСР Аркадия Воронцова.

Количество проработанных актером в театре лет совпадает с отмечаемым ныне юбилеем театра. Десятки ролей, десятки образов — разных по характеру, по внешнему виду, но всегда выполненных на высоком профессиональном уровне, со свойственным ему знанием жанра, сценической выразительностью и актерским обаянием.

Как бы ни была мала роль, в исполнении А. Воронцова она приобретает значительность и глубину. Так

тонко, с чувством подлинного мастерства играет актер своих героев, осмысливая и оправдывая их самые невероятные поступки, убеждая зрителя в их достоверности и всегда оказываясь в центре его внимания.

И нередко в зале или фойе до начала спектакля можно услышать любопытное: «А не знаете, сегодня играет Воронцов?».

— Для меня это высшее признание, — улыбается Аркадий Михайлович.

Между прочим, в его очень чутком, я бы сказала, «уважительном» отношении к зрителю, в умении угадывать его настроение даже в абсолютной тишине зрительного зала, в постоянных, едва уловимых

взаимопониманиях, которые устанавливаются между зрителем и актером, таится, по-видимому, немалая доля его успеха. Именно отсутствием «живой» аудитории объясняет он, например, свое нежелание выступать по телевидению.

Овладевший полным вниманием зрителя, добившись его признания — вот к чему стремится актер в своей работе.

Но как? Чем? И он ищет. Ищет новых решений знакомых образов. И решения его — несколько неожиданные — всегда интересны зрителю. Главное здесь заключается в том, что А. Воронцов великолепно, до тонкостей, знает того, кого исполняет. А отсюда — умение довести до естественного предела каждую черточку характера своего персонажа.

Сам он так говорит по этому поводу: «Пока у меня не состоится встреча с новым персонажем в жизни или моем воображении, пока я не увижу его во весь рост — его глаза, руки, ноги, походку, — считаю, что к работе над ролью приступать нельзя».

Аркадий Михайлович очень тщательно и критично отбирает все то, что поможет ему в конечном счете в создании образа. Обрабаты-

вает пластичность движений — доводя ее до совершенства, но в то же время всегда соотносит с внутренним миром своего героя, подчиняя его поступкам, так как главным остается у него выявление характера. Этому служат у него и диалог, и вокальные номера, и назначение костюма, в который одет герой (и который, кстати, зачастую придумывает сам актер).

В совершенстве владея искусством смешного, он с присущим ему природным чувством ритма и меры, всегда умеет распределить это смешное по всему действию или спектаклю. В результате — смотреть А. Воронцова на сцене всегда удовольствие, будь то трогательный в своей любви к людям Рахмет в «Севастопольском вальсе», Листова, колоритная, сочная фигура Мишки Япончика в «На рассвете», темпераментный Родриго в «Где-то на юге» или барон Зетта из «Веселой вдовы» Лесгара.

Резюмируя работу актера, разбираясь подробнее в чувствах, которые вызывают его персонажи, убеждаешься, что это нечто большее, чем смех, или полное одобрение. Стоит вспомнить его неподражаемого, решенного в протесковом плане ге-

нерала Фраскатти в оперетте Кальмана «Фиалка Монмартра», жалкого в своей слабости и смешного Дежурного из «Летучей мыши» Штрауса, или, наконец, Одноглазый из «Вольного ветра».

Считает ли актер законченной свою работу над этими образами? И слышу ответ: «Разве может художник или артист считать свое творение законченным и неоспоримым? Нет. Работать над ролью надо столько, сколько ей суждено жить, ибо ее всегда можно сделать лучше».

«А какая любимая роль?» «Все». И, почувствовав мою неудовлетворенность ответом, добавляет: «Ибо любимых ролей не играю».

А. Воронцов много говорит об отношениях актера и режиссера, которые — как он убежден — должны строиться на основе тесного взаимопонимания. К сожалению, не всегда бывает так. «Но и как актер, и как режиссер, считаю — в любом случае актер не должен играть противоположных ему ролей. Больше доверия. Нельзя брать актера за горло. Лучше, пожалуй, не топиться...».

Аркадий Михайлович увлекается, делаясь своими планами о работе в созданной им при Дворце культуры им. Горького театре-студии рабочей молодежи. Слушая его, еще раз убеждаешься: этот человек — актер всем своим существом, не мыслящий себя ни минуты вне искусства. И когда в разговоре пытаешься узнать, откуда же в нем все это, он, задумавшись, возвращается к детству, юности...

Может, именно Одесса, с ярким колоритом южного портового города, выразительным говором, свечками каштанов, морем, то шепчущим что-то в ночной

тиши, то бурным, рокошущим, являясь причиной того, что он с детства полюбил песню, полюбил бурный ритм жизни, неуспокоенность стала его вечной спутницей?!

Участник самодеятельности портового клуба моряков, ведущий солист ансамбля песни и пляски Южного фронта, где в его исполнении впервые услышали бойцы ставшие историческими песни военных лет «Давай закурим» и «Мишка-одессит»...

Может быть... Он, во всяком случае, полагает так. И нельзя не согласиться с ним, что сюда ведут нити того, что он предпочел стать актером оперетты, жанра, воплотившего в себе и диалог, и песню, и танец, и даже цирк.

«Быть влюбленным в искусство, значит всегда гореть. Всегда стараться. Да, именно стараться — с каждой минутой, с каждым часом, с каждой ролью». И яркая, незабываемая галерея созданных актером образов говорит нам, что это не фразы, это — жизнь. Жизнь в искусстве.

А. РАЕВА.

На снимках: А. Воронцов в ролях барона Зетта («Веселая вдова») и Мишки-Япончика («На рассвете»).